

Юй Нань отступил в полумрак за сценой, и выражение его лица становилось всё мрачнее.

Стоящий на подмостках юноша по имени Шань Я Тун был в их кругу известен лишь как пустое место, красивая картинка – фигура чисто декоративная. И эта Ми Ли вздумала заставить его петь! Если вдруг случится прокол, рейтинг выпуска пострадает нешуточно.

Выключив микрофон, он бросил взгляд на Цзянь Я, стоящую в зрительном зале. Лицо её было совершенно спокойно – казалось, её нимало не тревожит возможный провал, который мог бы обрушиться на передачу шквал негатива.

Цзянь Я была женщиной властной и не терпела неожиданностей, но сейчас, судя по выражению её лица, она не видела повода для беспокойства.

Увидев её невозмутимость, Юй Нань и сам немного успокоился.

Луч прожектора выхватил фигуру Шань Я Туна из полумрака, и теперь каждое его движение, каждый жест оказались под прицелом сотен глаз. Он скользнул взглядом по залу – первейшее правило для артиста на сцене: во время исполнения ты обязан установить зрительный контакт с аудиторией. Даже если твой взгляд не останавливается ни на ком конкретно, каждый в зале должен чувствовать, что ты смотришь именно на него.

Песни "Небесных Мальчиков" по большей части были незатейливыми поп-хитами и не требовали особой вокальной виртуозности. Шань Я Тун мягко улыбнулся:

- "Зимний снег" – для всех вас. Я хочу, чтобы, глядя на падающие снежинки, вы вспомнили ту трепетную, сладкую и чуть горькую пору первой любви.

"Зимний снег" не был громким проектом – ни авторы текста, ни композиторы не носили звучных имён. Он выбрал эту песню не случайно: она должна была развеять грязные слухи, которые тянулись за его предшественником.

В прошлом месяце, на презентации этого сингла, многие зрители усомнились: голос, звучащий в записи, был совсем не похож на голос Шань Я Туна. А следом разразился скандал на одном из телешоу – его уличили в том, что он пел под фонограмму.

Для второсортной звезды обвинение в использовании "фанеры" – удар, способный похоронить репутацию.

Но нынешнего Шань Я Туна заботило не то, действительно ли его предшественник когда-то сфальшивил. Его задача была проста: опровергнуть этот миф. И лучший способ – показать, на что ты способен на самом деле, голосом и мастерством.

Каприз Ми Ли, по сути, обернулся для него прекрасным шансом.

- "Ты говорил: снег – как цветы...

Ты говорил: снег безупречно чист..."

Мелодия, полная воспоминаний, поплыла над залом. Лицо юноши уже окутала дымка ностальгии, голос его звучал с болью и тоской по ушедшему.

- "Ты любил снеговиков из белых комьев...

Ты любил ту безбрежную белизну..."

Тембр был прекрасен, эмоции выверены до полутона – в голосе звучала сдержанная печаль и щемящая нежность. В унисон с этой меланхолией, окутавшей юношу, зрители начали постепенно поддаваться очарованию песни.

- "Это небо, что ты любил...

Это снег, что ты любил, и твой любимый снеговик...

Но где же ты, моя любовь?"

Припев всегда исполнял Юань Вэнь. Когда камера навелась на него, он, чуть улыбнувшись, смотрел на Шань Я Туна, который так же блестяще справился с этой частью, и в его взгляде читалось одобрение – словно он искренне радовался успеху напарника.

- Когда в руках у нас настоящая любовь, берегите её, не растеряйте. Не ждите, пока любимый уйдёт, чтобы понять, что сердце опустело, – песня стихла, и Шань Я Тун с лёгкой грустью посмотрел в зал. В объективе камеры было видно, как его глаза чуть покраснели. – В этом мире чувства – самое драгоценное сокровище.

Зрители, уже захваченные грустью и ностальгией песни, начали сомневаться в недавних обвинениях в фонограмме.

- Вау! Какой чудесный голос! Наш Я Тун поёт просто волшебно, я и сам невольно окупился в прошлое, – Юй Нань вышел в центр сцены с выражением глубокой задумчивости на лице. – Мне показалось, или у нашего Я Туна глаза на мокром месте? Я, конечно, не сплетник, – тут он придал лицу подчёркнуто серьёзное выражение, чем вызвал смех в зале. – Но могу я спросить, о ком же ты вспомнил, Я Тун? – он театрально прикрыл рот рукой. – Ах, зачем я это спросил? Надо было спросить за кулисами! Вот я и ляпнул! – и он сделал вид, что сожалеет о своей несдержанности.

Зал мгновенно оживился, взорвался смехом и улюлюканьем – атмосфера накалилась до

предела.

Шань Я Тун мельком глянул на Юй Наня, который с такой естественной непринуждённостью балансировал между словом и жестом, и на его лице появилась застенчивая, чуть смущённая улыбка – точь-в-точь как у юноши, которого застали врасплох с его тайной.

В зале снова взвизгнули девушки.

Цзянь Я, устроившаяся в специальном кресле в зрительном зале, задумчиво разглядывала юношу на сцене. Каждое его движение, каждое выражение лица было выверено до мелочей, и оно пробуждало в женщинах материнский инстинкт. Был ли этот мальчик таким на самом деле, или же он досконально владел этим искусством?

Она сделала знак обратить на него особое внимание. Ей хотелось понять, что этот юноша предпримет дальше.

Если он действительно так искушён в этих тонкостях, за ним стоит присмотреть внимательнее – по крайней мере, в будущих интервью с ним будет легче работать.

В их мире умение разбираться в людях – качество первостепенной важности.

– Я всего лишь вспомнил старшую сестрёнку из приюта, которая когда-то помогала мне, – голос Шань Я Туна дрогнул, и глаза его снова покраснели. – Помню, она очень любила кукол. Потом нас разлучили, и в руках у неё была только старая, потрёпанная кукла... Интересно, как у неё сейчас дела?

– Каждый раз, когда я пою, я вспоминаю те дни, как мы с ней, дрожа от холода в снегу, всё равно лепили снеговиков и радовались, – глаза юноши налились влагой, он слегка отвернулся, словно пытаясь сдержать подступившую боль. – Поэтому для меня эта песня – особенная.

Важно заинтересовать, но не переиграть. Искусство Шань Я Туна, ветерана шоу-бизнеса, было тонким и точным. Юй Нань, уловив его замысел и памятуя о жесте режиссёра, решил подыграть – он парой шуток перевёл разговор на другие темы и заговорил о пустяках.

В последние пять минут всех звёзд снова пригласили на авансцену, но Шань Я Тун оказался уже не на самом краю, а ближе к центру.

Он всё так же улыбался, но в улыбке его всё ещё таилась лёгкая тень той песенной грусти.

Завершил программу их дуэт с Юань Вэнем.

Зрители успели по достоинству оценить его выступление. Шань Я Тун задумался: интересно, во

что превратятся завтрашние заголовки о его "фанерном" скандале?

И сколько же в этом сиянии софитов остаётся настоящего, неподдельного?

Запись закончилась. Шань Я Тун направился за кулисы, чтобы снять грим. Юань Вэнь шёл в нескольких шагах впереди, но ни один из них не проронил ни слова.

У двери в гримёрную Юань Вэнь обернулся, взглянул на него, толкнул дверь, вошёл и захлопнул её за собой.

Шань Я Тун застыл на месте, глядя на закрытую дверь с совершенно безучастным лицом.

Позади слышались шаги. Он обернулся и увидел мужчину в тёмных очках, за которым следовали двое ассистентов, а также несколько охранников и заместитель главного режиссёра телеканала.

Мужчина был одет в свободный пиджак неформального покроя. Несмотря на очки, на губах его играла лёгкая, чувственная улыбка, очерчивая красивую линию рта. Лицо его, с идеальными пропорциями, было безупречным для мужчины-артиста – эталонная внешность.

Походка его была исполнена той непринуждённой грации, когда казалось, что он буквально парил над землёй, каждое движение его было неторопливым и вместе с тем полным достоинства.

Шань Я Тун слегка склонил голову в знак приветствия – заметит ли тот или нет, не важно, – и, толкнув дверь, вошёл в гримёрную.

Сяо Ци Шэнь краем глаза отметил этого юношу, бросил взгляд на закрывшуюся дверь и, не повышая тона, спросил у сопровождающего:

– Кто это?

Заместитель режиссёра, шедший рядом, призадумался:

– Вроде бы участник одной группы, Шань Я Тун. Так, певец второго ряда.

Сяо Ци Шэнь кивнул, ещё раз взглянул в сторону двери и негромко заметил:

– Понятно. Выглядит как способный парень.

И с этими словами перевёл взгляд.

Один из его ассистентов, услышав это, с удивлением оглянулся на закрытую дверь. Этот юноша удостоился похвалы от самого Сяо Ци Шэня! Интересно, осознаёт ли он, какая честь ему выпала?

Они не знали, что Сяо Ци Шэнь сказал это лишь потому, что в глазах того юноши, когда перед его носом захлопнули дверь, не было ни гнева, ни обиды – лишь невозмутимое спокойствие, будто ничего особенного не произошло.

Для новичка важнее всего – уметь терпеть.

Артист, не достигший и двадцати, а уже обладает таким ровным нравом – значит, в этом мире ему будет не так уж трудно пробиться.

Заместитель режиссёра поспешно закивал, не слишком заботясь о перспективах Шань Я Туна. Сейчас главное – достойно принять этого короля сцены (1).

Они вошли в гримёрную повышенной комфортности. Заместитель режиссёра почтительно обратился к Сяо Ци Шэню:

- Ци Шэнь, до эфира осталось немного. Может, начнём с грима?

Сяо Ци Шэнь кивнул, не тратя слов на пустые любезности. Он уселся перед зеркалом. Из-за напряжённого графика съёмок у него не было времени на собственного стилиста, но для такого небольшого шоу он не считал нужным затевать суету.

Он откинулся на спинку кресла, снял очки и устало потёр переносицу, явив миру свои прекрасные глаза персикового цвета (2).

- Режиссёр Цзянь, а что Вы думаете о Шань Я Туна? – донёсся из-за приоткрытой двери тонкий мужской голос.

Сяо Ци Шэнь приподнял бровь и сквозь зеркало увидел неплотно прикрытую дверь.

Сотрудники в комнате почувствовали неловкость, но закрывать дверь сейчас было бы ещё более неловко, поэтому они сделали вид, что ничего не слышат, и продолжили заниматься своими делами, надеясь только, что разговор снаружи не зайдёт слишком далеко.

После мужского вопроса воцарилась тишина. Сяо Ци Шэнь уже решил было, что ответа не будет, как вдруг раздался женский голос.

В голосе этом не слышалось особых эмоций, но если прислушаться, можно было уловить нотку одобрения:

- Он очень подходит для этого круга.

Для артиста самое главное – подходить. Увы, многие этому требованию не соответствуют.

Вновь слышались шаги, и за дверью стихло.

Сотрудники в комнате облегчённо перевели дух – разговор не затронул ничего лишнего.

- А этот Шань Я Тун сегодня участвует в вашей программе? – спросил Сяо Ци Шэнь, рассеянно вертя в пальцах очки.

Гримёр поспешно ответила:

- Да, сегодня пригласили несколько звёзд, они все участвовали, – работать с Сяо Ци Шэнем было для неё неожиданностью; обычно у таких, как он, есть свои личные стилисты. Но сегодня он явился без них. Хотя она занималась этим делом уже много лет, всё равно ощущала лёгкое волнение.

- Вот как, – коротко отозвался он и умолк.

Сотрудники телеканала не придали этому маленькому эпизоду значения и продолжили готовить его к выходу на сцену.

Только двое ассистентов знали: сегодня Сяо Ци Шэнь проявил к этому никому не известному юнцу необычный интерес.

* * *

В другой общей гримёрной Шань Я Тун переоделся в свою одежду и вместе с Юань Вэнем покинул телецентр. Их общий помощник держался ближе к Юань Вэню, а Шань Я Тун шёл позади обоих.

Этот помощник изначально был личным ассистентом Шань Я Туна, но у Юань Вэня недавно уволился свой, и нового пока не нашли. Помощника по имени Ян Цзюнь поставили обслуживать обоих, однако по факту он был теперь скорее личным ассистентом Юань Вэня.

Взглянув на мрачное лицо Юань Вэня, Шань Я Тун усмехнулся, сунул руки в карманы и, глядя в небо, произнёс:

- Вы идите, у меня дела.

Помощник обернулся, нахмурился, и голос его прозвучал холодно:

- Я Тун, компания только что звонила – вам с Вэнем нужно срочно вернуться в офис.

Шань Я Тун скользнул взглядом по помощнику, подошёл к машине и открыл дверцу.

- Раз уж ты помощник, то делай свою работу. Мне не нравится, когда я узнаю о расписании в последний момент от звонка помощника. Такой помощник ставит меня в неловкое положение.

С этими словами он сел в автомобиль.

Помощник побледнел, лицо его покрылось пятнами, когда краска отхлынула и прилила обратно.

Юань Вэнь перевёл взгляд с одного на другого, открыл дверцу с другой стороны и уселся, не глядя на Шань Я Туна, и процедил сквозь зубы с ядовитой насмешкой:

- И не скажешь, что ты умеешь так ловко выражаться.

Шань Я Тун промолчал.

- Думаешь, этим ты переплюнешь мою популярность? – не выдержав, заорал Юань Вэнь.

Шань Я Тун повернул голову и посмотрел на вышедшего из себя Юань Вэня. В его взгляде мелькнула насмешка.

- Это шоу-бизнес. Здесь всё взлетает и падает – ничего не предопределено, – он перевёл взгляд на окно. – И не думай, что в машине ты в безопасности. Твоё лицо вполне могло попасть в объективы папарацци. В этом мире нужно не забывать играть всегда, каждую секунду.

Он задумчиво погладил подбородок:

- Иначе завтра в светской хронике появится заметка: "Юань Вэнь, пользуясь своей популярностью, издевается над напарником".

Помощник на переднем сиденье обернулся и посмотрел на Шань Я Туна. В его взгляде сменилось прежнее равнодушие на сосредоточенную задумчивость.

Возможно, Шань Я Тун не так уж и бесполезен, как казалось раньше.

1. 天王 (tiān wáng) – Небесный король / Король сцены – в китайской индустрии развлечений так называют артистов высшего эшелона, суперзвёзд, достигших пика популярности и признания. Термин восходит к буддийской мифологии, где "Тянь Ваны" – это четыре небесных царя-хранителя, стоящих на страже мира. В современном контексте он утратил религиозный смысл и превратился в устойчивый жаргонизм для обозначения непререкаемых лидеров шоу-бизнеса – певцов, актёров или ведущих, чьи гонорары и влияние намного превосходят обычные звёздные статусы.

2. 桃花眼 (táohuāyǎn) – литературный перевод – глаза персикового цвета – это глаза по форме напоминающие лепестки цветка персика: длинные и слегка изогнутые, со слегка красноватым оттенком в уголках. При улыбке они прищуриваются, превращаясь в изогнутый полумесяц. Зрачок таких глаз скошен вверх, иногда они кажутся расфокусированными, придавая человеку вид не до конца проснувшийся, отчего они кажутся туманными и наполненными чувством пьянящей неги.

<http://bllate.org/book/18097/1736388>